

Назарова Олеся Владимировна, Лаптева Ирина Валерьевна

РОЛЬ КОНЦЕПТА "ДЕНЬГИ" В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. О. ПЕЛЕВИНА)

В статье "деньги" рассматриваются как культурная константа, устанавливается роль данного концепта в идентификации личности, в определении ценностных ориентиров общества, в причинно-следственных связях реальности. Показана символичность денег в литературных текстах, в частности, в творчестве В. О. Пелевина. Авторы приходят к выводу, что потребительский тип сознания не должен привести к нивелированию нематериальных ценностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/5/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(67) С. 146-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 81'37:821.161.1

Философские науки

В статье «деньги» рассматриваются как культурная константа, устанавливается роль данного концепта в идентификации личности, в определении ценностных ориентиров общества, в причинно-следственных связях реальности. Показана символичность денег в литературных текстах, в частности, в творчестве В. О. Пелевина. Авторы приходят к выводу, что потребительский тип сознания не должен привести к нивелированию нематериальных ценностей.

Ключевые слова и фразы: концепт «деньги»; константа культуры; В. О. Пелевин; идентификация личности; потребительское мышление; ценностные ориентиры.

Назарова Олеся Владимировна**Лаптева Ирина Валерьевна**, д. филос. н., доцент*Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева**nazarovaov82@rambler.ru; laptevaiv@yandex.ru***РОЛЬ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. О. ПЕЛЕВИНА)**

В данной статье мы рассматриваем деньги как константу культуры, как базовый «постоянно присутствующий» [8, с. 84] концепт, тем самым придерживаемся определения российского ученого, академика Ю. С. Степанова. «Константы» в этом смысле не значит «неизменные» – в них есть неизменная и переменная части. Константы культуры – это небольшое количество базовых и производных от них концептов, но сама духовная культура всякого общества состоит в «операциях» с этими концептами.

Отечественные ученые Вл. А. Луков, Б. Н. Гайдин отмечают очевидность того, что «большая часть культурных констант отражена в искусстве как наиболее полное сосредоточие тезаурусных механизмов стабилизации социодинамики культуры» [3, с. 34]. Художественная литература как вид искусства, в котором слово является основным средством образного отражения жизни, представляет собой огромный, практически неисчерпаемый источник разнообразного материала. Она имеет первостепенное значение для исследователя культурных констант, так как является важнейшей неотъемлемой частью любой национальной культуры и культуры в целом.

Еще античные писатели, поэты и философы – Аристотель, Аристофан, Гомер, Ксенофонт, Лукреций, Плавт, Платон, Плутарх, Софокл, Сократ, Сенека, Цицерон и др. – уделяли немалое внимание дихотомии «богатство – бедность» и отмечали возрастающее значение материальных благ для человека. Средневековые авторы (Василий Великий, Иоанн Златоуст, Фома Аквинский и др.) дают наставления человеку, руководствуясь христианскими заповедями «нестяжания» и «необладания», но в то же время правильное обращение с деньгами рассматривается как неизбежная часть человеческого существования. В XIII в. в христианских странах официально запрещается ростовщичество – грех, который Данте приравнял в «Божественной комедии» к одним из самых тяжких [10, с. 35]. С другой стороны, в это время меняются представления людей о деньгах, начинается «эпоха рационального измерения всего» [Там же, с. 36] – развивается жанр купеческих советов молодому поколению о ведении коммерческой деятельности. В эпоху Просвещения Дидро и Вольтер замечают все более отчетливое выделение проблемы богатства, финансово-деловой составляющей жизни, материального аспекта в отдельную категорию, заслуживающую всестороннего анализа [Там же, с. 38-39].

Драматические и сатирические литературные персонажи, переживаемые ими коллизии, тем или иным образом связанные с темой денег в самом широком смысле, живут в бессмертных произведениях Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, А. С. Пушкина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова; Дж. Байрона, О. де Бальзака, Дж. Боккаччо, О. Генри, И. В. Гете, Д. Голсуорси, В. Гюго, Ч. Диккенса, Т. Драйзера, Э. Золя, Ж. Б. Мольера, Ги де Мопассана, Дж. Свифта, М. де Сервантеса, М. Твена, У. Теккерея, Ф. С. Фицджеральда, Г. Флобера, У. Фолкнера, Дж. Чосера, У. Шекспира.

Литература описывает злключения торгового люда, алчность коварных женщин, романтику и прозу жизни разбойников и нищих, жизненные перипетии компаньонов и наследников, купцов и аристократов; испытание людей властью и богатством, патологическую страсть к деньгам, скупых рыцарей и героев-бессребреников; печали и радости богатства, страдания богатых и бедных, взяточничество и мотовство; выбор между любовью и деньгами, рыночное общество и рыночные отношения между людьми; пороки, подпитывающиеся обладанием денег, борьбу капитала и простого народа, противостояние богатства и воспитания, морали, свободы; деньги как жизненные реалии и результат труда; азарт и удачу внезапных денег; поклонение золотому тельцу, общество потребления и утопические идеи идеального безденежного общества. Тема богатства и бедности и образ денег проходят красной нитью через всю мировую литературу вплоть до сегодняшнего дня.

В монографии «Богатство и бедность: Поэзия и проза денег» (1999) современный отечественный ученый А. Л. Ястребов исследует многогранные противоречивые отношения денег, литературы и человека. Анализируя тему денег в мировой и отечественной литературе прошлого и настоящего, он приходит к выводу, с которым нельзя не согласиться: «Деньги в иерархии ценностей культуры чаще всего представляются признаками девальвации истинных ориентиров, ими обозначаются самые слабые звенья морально-философских систем» [Там же, с. 477]. Эта цитата является характеристикой концепта «деньги», отраженной в мировой литературе вплоть до XX в.

Однако в XX в. литература начинает кардинальным образом менять свое отношение к деньгам, поскольку претерпевает изменения сама природа данного феномена в массовом сознании: «Деньги выстраивают новую архитектуру ценностных ориентиров, рождают самостоятельную иерархию бытийных смыслов, представляют модель мироздания, в которую добро, истина, счастье входят как факультативные, ситуационные элементы. <...> Деньги становятся абстрактной природой, оперирующей категориями символического мышления, мифологическим феноменом» [Там же, с. 478]. Появляется потребительский тип сознания, который рассматривает деньги в роли «идеального образца», как своего рода «универсальную религию», не знающую национальных границ [Там же, с. 497]. Культура начинает интересоваться сюжетами массового помешательства на деньгах, жизнью общества потребления, дает советы, как стать успешным и богатым, отражает деньги как нечто в высшей степени реальное и заурядное: «Культура так долго боролась с деньгами, что доказала незыблемость их роли в причинно-следственных связях бытия» [Там же, с. 509].

Подтверждением этого тезиса, на наш взгляд, может служить творчество современного российского писателя В. О. Пелевина, где тема денег обыгрывается в разных вариациях во многих произведениях (романы «Generation П» (1999), «Empire V» (2006), повесть «Зал поющих кариатид» (2011), рассказ «Пространство Фридмана» (2011) и др.).

Роман «Generation П» явился своего рода эпилогом к реальности 1990-х гг. – эпитафией к началу XXI в. Этот период можно назвать временем новых денежных ценностей, ставших мерилем жизненного успеха нового русского «Я». Грандиозные перемены в финансово-экономической ситуации и в российском коллективном и индивидуальном сознании воплотились в образе главного героя и интерпретации общества в фантастическом романе Пелевина. Как говорит один из персонажей произведения, «новый русский» Вовчик Малой, заказывая рекламному агентству написание текста «русской идеи»: если на деньги «смотреть просто как на бабки, то они все одинаковые. Но за каждым бабком на самом деле стоит какая-то национальная идея. У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно?» [6, с. 201].

Главный герой Вавилен Татарский работает в сфере рекламы. Закончив литературный институт и не найдя себя в качестве писателя, в сложные девятилетние годы он работает продавцом в «ларьке», но внезапная встреча со старым знакомым, уже перекавалифицировавшимся в «нового русского», меняет его жизнь. Татарский становится сначала рядовым рекламщиком, а затем работает на законспирированную структуру, создающую цифровые копии людей, которых обычные люди именуют властью. Спустя время главный герой становится высшим звеном в иерархии вышеупомянутой тайной организации – «мужем великой богини», «живым богом» [Там же, с. 342-344]. «Великая богиня» – богиня Иштар, которая была лишена тела и стала «золотом», «тем, к чему стремятся все люди, <...> как бы идеей» [Там же, с. 334]. С Татарского снимают цифровую копию, его 3D-модель и является мужем великой богини, главная сакральная функция которого – появляться во всех рекламных клипах и телепередачах. Это необходимо, поскольку богиня является «совокупностью всех использованных в рекламе образов» [Там же]. Благодаря рекламе человек живет в благословенном и изобильном обществе потребления, хотя и виртуальном для большей части людей.

Что же это за тайное общество, которое правит миром, и кому оно подчиняется на самом деле, ведь Татарский и остальные члены организации всего лишь исполнители, обслуживающий персонал? Ответ на этот вопрос дает философско-фантастическая интерпретация Пелевиным современного общества как живого организма под названием «оранус». Современный человек из *Homo Sapiens* превратился в *Homo Zapiens* (от английского слова *zapping* – быстрое переключение каналов в целях бегства от рекламы). «Подобно тому как телезритель, не желая смотреть рекламный блок, переключает телевизор, мгновенные и непредсказуемые техномодификации изображения переключают самого телезрителя. Переходя в состояние *Homo Zapiens*, он сам становится телепередачей, которой управляют дистанционно. И в этом состоянии он проводит значительную часть своей жизни» [Там же, с. 120].

В данном контексте возникает аналогия с философией Э. Фромма. Человеческая личность может быть ориентирована на обладание или бытие. Ориентируясь на обладание, человек ценит лишь деньги, материальные ценности, власть и успех. Потребление – это одна из главных форм обладания, заставляющая человека потреблять с каждым разом все больше. Делается вывод, что «и объект моего обладания, и я превратились в вещи, и я обладаю объектом, поскольку у меня есть сила, чтобы сделать его моим. Но здесь имеет место и обратная связь: объект обладает мной, потому что мое чувство идентичности, то есть психическое здоровье основывается на моем обладании объектом (и как можно большим числом вещей) <...> Связь между ними смертоносна, а не животворна» [9, с. 103-104].

Согласно Пелевину, «псевдонаука» под названием экономика выяснила, что «каждый человек является клеткой организма, который экономисты древности называли маммоной», также «просто ORANUS <...>. Каждая из этих клеток, то есть человек, взятый в своем экономическом качестве, обладает своеобразной социально-психической мембраной, позволяющей пропускать деньги (играющие в организме орануса роль крови или лимфы) внутрь и наружу» [6, с. 121]. Телевидение является основой нервной системы орануса, рассылая по его виртуальному организму нервные импульсы, которые управляют жизнедеятельностью людей. Существует три вида этих воздействий: оральные, анальные и вытесняющие вау-импульсы (от коммерческого междометия «wow!»). «Оральный вау-импульс заставляет клетку поглощать деньги, чтобы уничтожить страдание от конфликта между образом себя и идеального “сверх-я”, создаваемого рекламой <...>. Анальный вау-импульс заставляет клетку выделять деньги, чтобы испытать наслаждение при совпадении упомянутых выше образов <...>. Вытесняющий импульс подавляет и вытесняет из сознания человека все психические процессы,

которые могут помешать полному отождествлению с клеткой орануса» [Там же, с. 122-123]. Некоторые отделы организации, в которой работает Вавилен Татарский, имеют одноименные с импульсами названия.

Многие исследователи отмечают то, что в современном обществе индивиды связаны друг с другом именно через присутствие денег, которые являются своеобразным социальным проводником [4, с. 151-154; 7, с. 17-20]. Деньги стали управлять обществом вне зависимости от воли человека, они пронизывают все сферы жизни – «не только проникли в каждую клеточку живого организма нашей жизни; они управляют нами, “заводя” эмоциональную систему» [2, с. 17]. Наблюдается возрастающая «дематериализация» денег, с одной стороны, и «монетаризация коллективной материи» – с другой. Кроме того, современные деньги настолько лишены какой бы то ни было специфики, что могут служить достижению любой цели, трансформируясь в сознании людей в свою собственную цель: «Деньги – это наш Сократ». Платон говорил о философе, своем учителе: «Что подумал бы Сократ о том или другом вопросе?» Точно так же, как только мы видим предмет или слышим о нем, мы спрашиваем: «Сколько он стоит?» [5, с. 371].

В модели общества романа «Generation П», становясь *Homo Zapiens*, человек постепенно утрачивает свою настоящую природу, превращается в «identity» – «фальшивое эго» [6, с. 130], самоидентифицируя себя «через комбинацию показываемых по телевизору материальных предметов, которые заведомо не являются ни им, ни его составной частью» [Там же, с. 128]. Смыслом жизни людей-identity является получение как можно большего количества денег и всего того, что с их помощью можно приобрести. Люди оценивают друг друга и окружающую действительность с позиций консьюмеризма, «все упирается в деньги – потому что деньги давно уперлись сами в себя» [Там же, с. 135].

В фантастической картине общества (живого организма под названием «оранус») и отдельной личности (как его клетки) рождаются совершенно реальные мысли автора о том, что, возможно, все дело в нас самих, и ситуацию можно изменить, так как у орануса «нет ни ушей, ни носа, ни глаз, ни ума. <...> Сам по себе он ничего не желает, так как просто не способен желать отвлеченного. Это бессмысленный полип, лишенный эмоций или намерений, который глотает и выбрасывает пустоту. При этом каждая из его клеток потенциально способна осознать, что она вовсе не клетка орануса, а наоборот, оранус – всего лишь один из ничтожных объектов ее ума» [Там же, с. 125-126].

Виртуальная реальность, возникающая в произведении на основе древних мифов, продолжает интерпретировать современную действительность как общество потребления. Согласно мифу о боге Энкиду (владыке земли) и его жене Энду (Иштар), люди – это всего лишь бусины, которые рассыпались из ожерелья богини и возомнили себя людьми, их необходимо собрать обратно на золотую нить. Привидевшееся Вавилену сказочное существо «сируфф» говорит, что это люди возомнили себя бусинами-identity, которые всю жизнь смотрят в «пламя потребления» [Там же, с. 178] и в конечном итоге в нем сгорают, так как огонь потребления сжигает их, давая скромные радости. Человек думает, что потребляет он, а на самом деле «присутствует при сжигании мусора своей identity. <...> И куда бы вы ни глядели, вы все равно глядите в огонь, в котором сгорает ваша жизнь. Милосердие в том, что вместо крематориев у вас телевизоры и супермаркеты» [Там же].

В обществе потребления появляется новый тип личности, главной характеристикой которой является склонность к потреблению как способу «конструирования своей идентичности» [1, с. 7-8]. С помощью рекламы и виртуальной реальности, созданной средствами массовой коммуникации, истинные вкусы, ценности, нормы и т.п. производятся подобно обычным товарам. Сама человеческая жизнь превращается в подобие рекламного клипа, в котором человек существует не потому, что мыслит, а только потому, что потребляет.

Обобщая выше сказанное, основываясь на теоретических концепциях ученых и философствовании писателей, приходим к выводу о том, что в современном обществе концепт «деньги» ориентирует человека на «обладание», на материальные ценности, власть и успех. Роль данной культурной константы в причинно-следственных связях реальности несомненна и незыблема, так как она представляет собой модель мироздания, в которой добро, культура жизни, истина являются лишь факультативными ценностными ориентирами. Потребительский тип сознания превратил деньги в критерий жизненного успеха, в «универсальную религию», которая не имеет национальных границ, поэтому важнейшей задачей современности является «не сгореть в пламени потребления» и повысить авторитет таких нематериальных феноменов культуры, как ценности и вкусы.

Список литературы

1. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. 14. № 2. С. 3-40.
2. Лиетар Б. А. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. М.: КРПА «Олимп»; АСТ; Астрель, 2007. 493 с.
3. Луков Вл. А., Гайдин Б. Н. Понятие «константа культуры» в философско-культурологическом дискурсе // Гуманитарные константы: мат. конф. Моск. гуманитар. ун-та (16 февраля 2008 г.). М., 2008. С. 27-35.
4. Маклюен Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. – Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
5. Московичи С. Машина, творящая богов / пер. с фр. Т. П. Емельяновой. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
6. Пелевин В. О. Generation П. М.: Э, 2015. 352 с.
7. Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
9. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. 238 с.
10. Ястребов А. Л. Богатство и бедность: поэзия и проза денег. М.: Аграф, 1999. 528 с.

ROLE OF THE CONCEPT “MONEY” IN THE IDENTIFICATION OF A PERSON (BY THE EXAMPLE OF V. O. PELEVIN’S CREATIVE WORK)

Nazarova Olesya Vladimirovna

Lapteva Irina Valer'evna, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Ogarev Mordovia State University

nazarovaov82@rambler.ru; laptevaiv@yandex.ru

The article examines the concept “money” as a cultural constant, discovers the role of a concept in the identification of a person, in establishing the value orientations of the society, in the causative-consecutive relations of reality. The paper shows the symbolic nature of money in literary texts, in particular, in V. O. Pelevin’s creative work. The authors conclude that the consumer’s type of consciousness shouldn’t cause the devaluation of non-material values.

Key words and phrases: concept “money”; constant of culture; V. O. Pelevin; identification of person; consumer’s mentality; value orientations.

УДК 908(470.43)

Исторические науки и археология

После получения старообрядцами гражданских прав в 1905 году, одной из главных задач старообрядческих общин становится организация школ. В статье раскрываются проблемы становления первой старообрядческой школы в Саратове в начале XX века. Автор отмечает ведущую роль саратовской общины старообрядцев поморского согласия как в строительстве здания школы, так и в организации учебного процесса согласно старообрядческому учению.

Ключевые слова и фразы: просвещение; школа; старообрядчество; поморцы; благотворительность.

Обухович Светлана Анатольевна, к.и.н.

Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти

swetlana.obuhovich@yandex.ru

САРАТОВСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ШКОЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Многие исследователи старообрядчества отмечали стремление староверов к просвещению как их характерную черту. Это качество объяснялось особым образом мышления староверов, их склонностью рассуждать об истине и спорить за неё. По мнению Н. И. Костомарова, «раскол был крупным явлением народного умственного прогресса», представлял собой «своеобразный, хотя несовершенный и неправильный, орган народного самообразования» [3, с. 469-536].

Однако до 1905 года правовое положение старообрядчества было ограниченным, и доступ в учебные заведения был почти закрыт. В 1881 году старообрядцы города Хвалынска Саратовской губернии, обращаясь к сенатору И. И. Шамшину, писали: «Глубоко сознавая необходимость учения, мы просим разрешить нам завести свои собственные училища, где наши дети, укрепляясь в вере отцов своих и преданности царю, изучали бы кроме того и другие науки» [4, с. 107]. Староверам Хвалынска, как и многим другим их одноверцам, тогда было отказано.

Только в 1905 году известный Манифест даровал староверам свободу вероисповедания, а 17 октября 1906 года были высочайше утверждены указания «о правах общин». С момента регистрации общины она получала следующие права: избирать духовных лиц, настоятелей или наставников, сооружать храмы, молитвенные дома, учреждать богоугодные заведения и школы и т.д.

5 сентября 1910 года «с разрешения господ Директора и Инспектора народных училищ» было открыто первое старообрядческое училище в Саратове [2, д. 10263, л. 3]. В телеграмме на Высочайшее имя Государя Императора саратовские старообрядцы сообщали, что «повергают к стопам Его Величества одушевляющие их чувства беспредельной любви и благодарности за дарованные милости» [Там же, л. 1].

Официальные сведения о состоянии саратовского старообрядческого училища содержатся в отчёте его заведующего В. З. Яксанова приставу 4-го участка Саратова от 10 октября 1910 года [Там же, л. 3]. Учебное заведение представляло собой тип народных училищ. Единственным отличием его программы было преподавание Закона Божия, церковно-славянского чтения и церковно-богослужебного пения согласно старообрядческому учению. Училище располагалось при Свято-Троицком храме общины старообрядцев поморского согласия по адресу: Никольская улица, д. 73. Эта община изначально полностью обеспечивала содержание школы. Обучение проводилось в двух младших параллельных отделениях первого класса.

В. З. Яксанов в своём отчёте также назвал первых учителей училища:

- 1) Терентий Акимович Худошин – законоучитель, учитель пения;
- 2) Василий Захарович Яксанов – учитель, заведующий школой, имеющий звание учителя народных училищ;
- 3) Александра Николаевна Мамонтова – учительница.